

Паульсон Иосиф Иванович

**Русская краткопись или
стенография, разработанная по
началам Штольце**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И75

И75 **Иосиф Иванович П.**
Русская краткопись или стенография, разработанная по началам Штольце / Паульсон Иосиф Иванович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 143 с.

ISBN 978-5-521-27375-1

ISBN 978-5-521-27375-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Или же онъ смотритъ на составныя части письма какъ на *условные* знаки, которые по виду своему никакъ не могутъ быть тождественны съ слышимыми звуками; въ такомъ случаѣ онъ можетъ распредѣлить свои знаки только по степени ихъ простоты и удобосоединимости, т. е. звукамъ, часто встрѣчающимся въ рѣчи, онъ долженъ дать болѣе простые и удобосоединимые знаки, нежели звукамъ рѣже встрѣчающимся (начало *звукоповторенія*).

Рѣшить, которое изъ этихъ двухъ началъ вѣрнѣе, не трудно, особенно тому, кто сколько-нибудь знакомъ съ различными попытками изобрѣсти письмо, въ которомъ бы членораздѣльные звуки отражались, какъ въ зеркалѣ. Всѣ такія попытки до сихъ поръ оказывались несостоятельными и должны быть причислены къ мечтамъ, которымъ едва ли суждено когда-нибудь осуществиться. Но еслибы такой явукopodobный алфавитъ и былъ возможенъ, то онъ едва ли бы удовлетворилъ главнѣйшимъ условіямъ стенографіи, т. е. *краткости* и *удобству* письма. Возьмемъ для примѣра звуки *ф* и *в*, которые у всѣхъ народовъ, конечно, производятся одними и тѣми же органами и произносятся болѣе или менѣе одинаково. Назначивъ для нихъ, согласно первому началу, знаки, вполне соответствующіе имъ по виду (предположивъ, что это вообще возможно), мы, разумѣется, должны считать ихъ обязательными одинаково для всѣхъ языковъ. Положимъ гешеръ, что звукъ *ф* получилъ болѣе простой и удобный знакъ, нежели *в* (вѣдь между ними должна же быть какая-нибудь разница), то это будетъ весьма выгодно напр. для стенографіи нѣмецкаго языка, въ которомъ звукъ *ф* встрѣчается гораздо чаще звука *в*, — но весьма невыгодно для русской стенографіи, такъ-какъ въ русскомъ языкѣ, на оборотъ, *в* встрѣчается гораздо чаще *ф*. То же относится и ко всѣмъ прочимъ звукамъ. Ясно, слѣдовательно, что распредѣленіе знаковъ въ алфавитъ можетъ быть сдѣлано только по началу звукоповторенія, и для каждаго языка должно быть другое.

Точно такъ же не подлежитъ сомнѣнію, что изъ трехъ извѣстныхъ способовъ локализации, объясненныхъ въ § 48 нашего руководства, наиболѣе выгодный для стенографической цѣли — *третій* (доказательствомъ этому см. въ томъ же §), а изъ двухъ способовъ сокращенія самый практичный — *способъ сокращенія посредствомъ постоянныхъ значковъ* (см. § 106—108 и § 113—118).

Итакъ вотъ тѣ *основанія*, на которыхъ должна быть построена всякая стенографическая система, претендующая на названіе *раціональной*, а слѣдовательно и система специально русская. Но придерживаясь ихъ, составитель, хотя-нехотя, становится послѣдователемъ нѣмецкаго стенографа *Штолце*, который первый уяснилъ эти основанія и, логически выводи изъ нихъ всѣ прочія условія хорошей системы (см. Введеніе § 4—6), пер-

вый же на дѣлѣ показалъ не только возможность, но и всю выгоду совокупнаго ихъ приложенія, т. е. онъ создалъ систему, отличающуюся удивительнымъ *единствомъ* проведенныхъ въ ней началъ и стоящую поэтому неизмѣримо выше всѣхъ предшествовавшихъ ей системъ, хотя конечно, какъ пропавшее дѣло, она имѣетъ свои недостатки.

«Но такъ ли это?» спроситъ съ сомнѣніемъ читатель, слышавшій, что система Штольце имѣетъ страшную соперницу въ системѣ *Габельсбергера*, которая, по увѣренію нѣкоторыхъ, имѣетъ значительныя преимущества надъ первой. Мы, разумеется, не станемъ увѣрять въ противномъ, а постараемся представить по возможности ясныя доказательства, опираясь непосредственно на приведенныя нами основанія, разумность которыхъ ни одинъ здравомыслящій человѣкъ отвергать не станетъ.

Габельсбергеръ первый ввелъ въ употребленіе графическіе знаки, и тѣмъ оказалъ дѣлу стенографіи величайшую услугу. Но одно это обстоятельство, какъ мы знаемъ, не опредѣляетъ еще достоинства всей системы; поэтому необходимо взглянуть и на другія существенныя стороны ея. — Разсматривая алфавитъ, насъ прежде всего поражаетъ слѣдующая классификація согласныхъ:

Придыхательные звуки (Hauchlaute): h, g, k, ch, j, t (th), d, l, r, n (ng), m.

Придувательные или губные (Blase- oder Lippenlaute): w, b, p, f, v (pf).

Свистящіе или шипящіе (Sause- oder Zischlaute): s, ss, sch, z (c).

И эта классификація мотивируется тѣмъ, что при произношеніи согласныхъ звуковъ дыханіе будто бы только троекъ видоизмѣняется: 1) внутри гортани и (?) нѣбною занавѣскою, 2) губами и 3) взаимною дѣятельностью языка и зубовъ.

«Этимъ тремъ родамъ звуковъ», говорится далѣе, «соответствуютъ три главныхъ направленія письменныхъ знаковъ, т. е. пишущая рука образуетъ черты или по направленію справо влѣво, или на оборотъ, или же наконецъ по тому и другому направленію вмѣстѣ.» — Ищемъ въ стенографическихъ таблицахъ подтвержденія этой истины, и находимъ, что изъ такъ-наз. *придыхательныхъ согласныхъ*, основною которымъ служитъ полукругъ направо, только черты h и g собственно имѣютъ это направленіе, остальные же идутъ по всевозможнымъ направленіямъ; между губными же, основная черта которыхъ полукругъ влѣво, звукъ f изображенъ совершенно прямою чертою, а v чертою, идущею по направленію, противоположному основной; и одинъ только шипящій звукъ обозначенъ, какъ слѣдуетъ по принятому правилу, кружками и петлями.

Подвергать эти факты серьезной критикѣ, очевидно, нѣтъ никакой надобности; а потому спросимъ только, что могло по-

будить Габельсбергера къ такой странной классификаціи и къ такому непослѣдовательному распредѣленію знаковъ? Если вѣрить въ некоторымъ изъ его учениковъ, то онъ, при составленіи системы своей, въ то же время имѣлъ въ виду создать всеобщій звукоподобный алфавитъ (*); стало-быть вся эта классификація придумана имъ только ради этой цѣли, и знаки рождены звукамъ согласно началу звукоуподобленія. Это подтверждается отчасти и объясненіями, которыми обыкновенно сопровождается каждый отдѣльный знакъ. Такъ напр. знакъ *ф* мотивируется слѣдующимъ образомъ:

«Сильно и продолжительно выдувая воздухъ чрезъ едва замѣтное отверстіе губъ, въ видъ тонкаго прямого луча, мы производимъ звукъ *р*, который поэтому и изображается тонкою прямою чертою, идущею снизу вверхъ къ строку.»

А знакъ *р* объясняется такъ:

«Если языкъ стропилообразно упирается въ переднюю часть нѣба, такъ что дыханіе не имѣетъ свободнаго выхода, но притомъ такъ сильно, что приводитъ языкъ въ дрожащее движеніе, то происходитъ звукъ *р*, имѣющій сходство со звукомъ движущагося зубчатаго колеса. Знаку этого звука повсему данъ видъ колеснаго зубца (↘).»

Значить, этотъ во всѣхъ языкахъ такъ часто повторяющійся звукъ снабженъ самымъ неудобнымъ для письма знакомъ потому только, что произношеніе его, сравнительно съ другими звуками, представляетъ наибольшую трудность. Въ такой аргументаціи есть по крайней мѣрѣ логика, и потому съ нею можно еще примириться, хотя это и не совсѣмъ выгодно для скорописи. Но вотъ новое недоумѣніе. Вы случайно спрашиваете, отчего звукъ *и* напр. получилъ менѣе удобный знакъ, нежели *б*? и вамъ отвѣчаютъ: оттого, что въ нѣмецкомъ языкѣ первый является рѣже послѣдняго (по вычисленію Виллемса *б* повторяется 1950 разъ, въ то время какъ *и* повторяется только 1130 разъ). Стало-быть тутъ уже распредѣленіе сдѣлано по началу звукоповторенія! — Откуда же эта двойственность? Объяснить ее можно только тѣмъ предположеніемъ, что все распредѣленіе знаковъ у Габельсбергера совершилось просто эмпирическимъ путемъ, и теоретическіе мотивы внесены въ него лишь впослѣдствіи. Предположеніе это тѣмъ вѣроятнѣе, что и вся система, по словамъ самого же Габельсбергера, имѣетъ чисто случайное и эмпирическое начало (**). — Та же шат-

(*) См. напр. H. L. Willems: *Die Stenographie Gabelsbergers als Sprachbild*. Dresden, 1864.

(**) Въ предисловіи къ своему руководству, изд. въ 1834 г., Габельсбергеръ говоритъ, что, начиная въ 1817 г. изыскивать средства къ удобной скорописи, онъ тѣмъ самымъ желалъ только облегчить работы одному высшему сановнику, и лишь два года спустя, когда въ Баваріи впервые сованы были государственныя ослловія, ему вспало на мысль, что искусство его можетъ пригодиться и для записыванія публичныхъ рѣчей и преній въ предстанительныхъ камерахъ. Но прежде чѣмъ оно пригодилося, ему пришлось 9 разъ передѣлывать свою систему. Спрашивается, возможно ли такаа изоднокритичная передѣлка при опредѣленной и предварительно выработанной теоріи?

кость, та же двойственность видна и во всей вокализации его системы, и, какъ мы объяснили въ § 49 нашего руководства, по той же причинѣ. Незабѣжнымъ слѣдствіемъ такого неединства, естественно, является произволъ въ письмѣ, устранить который не въ силахъ ни огромное количество правилъ и примѣровъ, изобилующихъ въ руководствахъ Габельсбергера и его учениковъ, ни изданные ими стенографическіе словари. — Наконецъ, о способѣ сокращенія, употребляемомъ въ этой системѣ, мы также уже выразили свое мнѣніе (см. § 117); но такъ какъ способъ этотъ нѣкоторыми поклонниками Габельсбергера считается самымъ гениальнымъ изобрѣтеніемъ, то не лишнимъ будетъ нѣсколько болѣе мотивировать высказанное нами мнѣніе объ этомъ предметѣ.

Извѣстно, что и въ обыкновенномъ письмѣ многосложныя и безпрестанно повторяющіяся слова нерѣдко сокращаются, особенно же въ спѣшныхъ случаяхъ. Всѣ эти сокращенія можно подвести подъ три категоріи: 1) *пропускъ гласныхъ*, подобно тому, какъ въ ц.-сл. письмѣ (ркис, ктр), 2) *пропускъ окончаній* (человѣч. чувство; будь снисход. къ слаб. человѣку, заботящ. о тв. благѣ), и 3) *пропускъ всѣхъ буквъ*, кромѣ одной или двухъ изъ начальныхъ (и т. д., и т. п., Т. I, гл. II, по Р. X.).

Первымъ способомъ въ стенографіи пользоваться не къ чему, такъ-какъ въ ней гласныя болѣею частію выражаются символически. Второю можетъ быть употребленъ въ ней точно такъ же, какъ и въ обыкновенномъ письмѣ; если же въ стенографическихъ руководствахъ объ этихъ сокращеніяхъ обыкновенно ничего не говорится, то только потому, что они сами собою разумѣются и основаны на самыхъ простыхъ грамматическихъ правилахъ. Наконецъ, третій способъ почти во всѣхъ системахъ играетъ важную роль, ибо на немъ основаны такъ-наз. *значки*, т. е. сокращенія, имѣющія разъ навсегда данный имъ, опредѣленный смыслъ.

Сокращенія же Габельсбергера не принадлежатъ ни къ одному изъ этихъ родовъ; а состоятъ просто въ *пропускѣ всѣхъ нѣхъ составныхъ частей предложенія, которая, по смыслу и по нѣкоторымъ оставшимся отъ нихъ буквамъ, при чтеніи могутъ быть снова восполнены*. Пропускъ этотъ бываетъ двухъ видовъ: или пропускается коренной слогъ и остаются приставка и окончаніе (сокращеніе *формальное*, Formkürzung), или пропускаются приставка и окончаніе и остается одна буква коренного слога (сокращеніе *звуковое*, Klangkürzung). Приводимъ примѣры сокращеній и того и другого вида, представляя самимъ читателямъ разобрать ихъ значеніе.

«Сюляръ —тъ. Голуби —тъ. Гнилое дерево —тъ. Прилеж-
ныя дѣти —тся. Глушцы много —ютъ. Этого я не могу раз-
она ему по—дась. Какой —ивый парень! Онъ на—илъ
пре—сную повѣсть. Я не боюсь вашего со—ства. Чего ты

хочешь: пива, или в—? Вали —а—, коли Богъ даѣтъ. Милъ —о—, да велпкъ —о—. Другъ по лонецъ —у—. Римская —е— мнимая —е—..»

Мы съ намѣреніемъ сократили нѣсколько мало извѣстныхъ пословицъ, чтобы показать, что при незнаніи ихъ напередъ почти невозможно добраться до ихъ смысла по этимъ сокращеніямъ; а между-тѣмъ выбранные нами примѣры относятся къ тѣмъ правиламъ Габельсбергеровой теоріи, которыя еще могутъ быть примѣнены одинаково ко всемъ языкамъ; подѣ все же остальные правила русскія слова, по складу своему, положительно не подходятъ. Вотъ почему мы въ § 117 и позволили себѣ утверждать, что способъ сокращенія по Габельсбергеру вовсе не примѣнимъ къ русскому языку. Впрочемъ, какъ бы то ни было: примѣнимъ ли онъ, или нѣтъ, и въ какой степени, во всякомъ случаѣ мыслящій читатель пойметъ, что если трудно разбирать подобныя сокращенія, то еще труднѣе дѣлать ихъ во время записыванія устной рѣчи, т. е. сокращать части предложенія не какъ взбредетъ въ голову, а по предписаннымъ правиламъ. Мы даже того мнѣнія, что такое обдуманное сокращеніе вообще невозможно, и это мнѣніе подтверждается многими опытными стенографами, въ томъ числѣ и пишущими по системѣ Габельсбергера. Вотъ напр. что говоритъ объ этомъ бывшій членъ дрезденскаго института, *первостатейный* стенографъ *Краузе*, который до конца жизни своей остался вѣренъ системѣ Габельсбергера, но тѣмъ не менѣе не былъ слѣпъ къ ея недостаткамъ.

«Употребленіе этихъ сокращеній при стенографированіи и разборъ ихъ при чтеніи возможны только въ такомъ случаѣ, когда принята въ соображеніе необходимая логическая связь одного или нѣсколькихъ предложеній. Но какимъ образомъ стенографъ будетъ соображать эту связь, если предложеніе или періодъ еще не высказаны? Или же ему ждать, пока ораторъ окончитъ періодъ, и затѣмъ уже начать писать?... Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ вѣрно то, что выбирать изъ періода слова для сокращенія такъ, чтобы потомъ быть вполне увѣрену въ безсомнѣнномъ ихъ возстановленіи, можно только по соображенію связи періода... Связь эта необходимое *условіе* каждаго такого сокращенія при письмѣ и чтеніи, а самое сокращеніе — *обусловленное*; и требовать, чтобы обусловленное предшествовало, во времени, обуславливавшему, значитъ принимать, что слѣдствіе можетъ явиться раньше причины. Въ такую нелогичность именно впадаетъ Габельсбергеръ, предлагая своимъ ученикамъ такъ-наз. *сказуемыя сокращенія*, какъ универсальное средство во всѣхъ нуждахъ. При этомъ онъ ошибается еще и въ другомъ отношеніи, полагая, что стенографъ, при употребленіи этихъ сокращеній, становится *мыслящимъ художникомъ*, и именно потому, что при процессѣ письма онъ постоянно долженъ размышлять о томъ, что писать и что пропустить, какъ писать и какъ сокращать. Если право на званіе *мыслящаго художника* пріобрѣтается такимъ образомъ, то никто не заслуживаетъ этого званія болѣе чѣмъ дѣти, не имѣющія еще навыка въ письмѣ вообще и въ правописаніи въ особенности: они при письмѣ постоянно думаютъ о томъ, какъ писать буквы и кикіи... Наконецъ, Габельсбергеръ заблуждался и въ томъ, что его способъ сокращенія основанъ на сокращеніяхъ тироновыхъ нотъ. Древне-римскія стенографіи (въ томъ тедеръ уже нѣтъ никакого сомнѣнія) придерживались постоянныхъ знаковъ: знакъ, встречающійся отдѣльно, безъ всякой оцѣнательской

связи въ древнемъ комментаріи, находится въ томъ же неизвѣнномъ видѣ и въ связанныхъ текстахъ... Что по связи предложенія могутъ быть разгаданы смыслъ сокращеннаго, неправильно написаннаго, или же и пропущеннаго слова, это истина весьма тривиальная... Уже въ первомъ изданіи своего руководства (т. е. въ то время, когда онъ еще и не думалъ о своей *теоріи*) Габельсбергеръ пользуется ею, и соизвѣствуетъ стенографамъ употреблять такіе сокращения: о—ность, по—ство, у—тельно, не имѣющія сами по себѣ никакого смысла, но въ связи съ другими словами могущія вѣщать 10, 20, 30 различныхъ значеній... При этомъ онъ замѣчаетъ, что «тутъ все зависитъ отъ мгновенной потребности и содержанія рѣчи». Но онъ ошибается, замѣчая далѣе, что при осторожномъ употребленіи такихъ сокращеній никогда не можетъ быть сомнѣнія въ настоящемъ ихъ значеніи; ибо, не говоря уже о томъ, что *попущенность* и *осторожность* понятія неодушевленныхъ, положимъ, что стенографъ написалъ: «истина эта по тельна»: то онъ при всей осторожности своей не можетъ знать, будетъ ли слѣдующее за тѣмъ предложеніе находиться въ такой связи съ предыдущимъ, чтобы съ очевидностію можно было сказать, что вотъ это сокращеніе значить *положительна*, а не *поразительна*. Стало-быть тутъ уже необходимо содѣйствіе памяти. На память же не всегда можно положиться. И послѣ этого на такомъ зыбкомъ основаніи строить цѣлую систему сокращеній, да это такой промахъ, который можетъ только уронить и подорвать стенографію, а не усовершенствовать. Поэтому Штольце и ученики его совершенно правы въ томъ, что положительно отвергаютъ сказуемыя сокращенія» (*).

Этихъ словъ одного изъ способнѣйшихъ представителей Габельсбергеровой системы будетъ достаточно, чтобы читатели вполне могли опфигить этотъ способъ сокращенія. Мы поэтому и не станемъ болѣе распространяться о немъ (**).

Итакъ, кромѣ начала графическаго, ни одно изъ приведенныхъ нами основаній, на которыхъ должна быть построена рациональная система, не нашло надлежащаго приложенія въ системѣ Габельсбергера. Но это еще не все. Составитель русской стенографіи, который бы принялъ за образецъ систему Габельсбергера, былъ бы осужденъ на рабское подражаніе ей. Напрасно станетъ онъ искать тотъ индивидуальный предметъ, ради котораго собственно создана система; напрасно станетъ доискиваться специально-нѣмецкаго элемента, который, какъ само собою разумѣется, не дол-

(*) Kritik der Lehrmittel des Gabelsberger-Stenographen-Central-Vereins in München. Von Dr. C. Kranse, Mitglied des K. S. stenographischen Instituts u. Lehrer d. Stenographie u. d. Universität Leipzig. Dresden, 1854. Стран. 48 — 53.

(**) Желающимъ же въ подробности ознакомиться какъ со способомъ сказуемыхъ сокращеній, такъ и со всею системою Габельсбергера, мы советуемъ ознакомиться однимъ изъ слѣдующихъ сочиненій:

1. Fr. X. Gabelsberger: Anleitung zur deutschen Redezeichenkunst. 2. Aufl. Nach des Verfassers hinterl. Papieren v. d. Stenogr. Centralverein umgearbeitet. München, 1850.

2. Dr. K. Albrecht: Lehrbuch der Gabelsbergerschen Stenographie. 2 Kurse. Leipzig, 1859.

3. Professor H. Ratsch: Lehrbuch der deutschen Stenographie nach Gabelsbergers System. 5. Aufl. Dresden, 1863. Самое полное и бесспорно самое лучшее изъ руководствъ по этой системѣ.

Не знающихъ же нѣмецкаго языка отсылаемъ къ ж. «Учитель» за 1863 годъ, въ которомъ изложены всѣ наиболѣе употребительныя стеногр. системы настоящаго времени.

жизнь входить въ русскую стенографію. Нигдѣ не говорится объ особенностяхъ языка, который бы требовали особенныхъ примѣненій; нигдѣ словъ не разсматриваются по составнымъ органическимъ своимъ частямъ: корнямъ, приставкамъ и окончаніямъ. Вездѣ трактуется только о звукахъ и сочетаніяхъ начальныхъ, срединныхъ и окончательныхъ, какъ въ односложныхъ, такъ и въ многосложныхъ словахъ, какъ въ простыхъ, такъ и въ составныхъ. Языкъ является тутъ обезличеннымъ, какъ случайный сборъ членораздѣльныхъ звуковъ; все различіе языковъ, по мнѣнію Габельсбергянцевъ, «состоитъ только въ различіи сочетанія и сліянія звуковъ между собой, слѣд. единственно въ различной дѣятельности органовъ рѣчи» (*). Только такой взглядъ на различіе языковъ и могъ породить несчастную мысль о всеобщемъ, *универсальномъ* письмѣ, годномъ для всѣхъ языковъ и народовъ вообще и ни для одного въ особенности. Ясно, что составитель русской системы, слѣдуя Габельсбергеру, лишаетъ себя возможности быть оригинальнымъ и самостоятельнымъ даже въ той части своего труда, въ которой непременно *должна* проявиться оригинальность и самостоятельность, т. е. въ примѣненіи къ особенностямъ русскаго языка. Лучшимъ доказательствомъ этому могутъ служить тѣ довольно многочисленныя «практическіе курсы и руководства по универсальной системѣ Габельсбергера», которые изданы на французскомъ, англійскомъ, итальянскомъ и мн. др. языкахъ (**); сравните ихъ между собой и съ изложеніемъ подлинной системы, и вы тотчасъ же убѣдитесь, что все это не самостоятельныя примѣненія, а переводы въ буквальномъ смыслѣ слова: вездѣ одинъ и тѣ же буквы въ одномъ и томъ же стереотипномъ значеніи, вездѣ тѣ же приемы и правила; такъ-что если вы умѣете читать нѣмецкое письмо Габельсбергера, то прочтете тотчасъ же и французское, и англійское, и итальянское (***), хотя бы

(*) См. Lehrbuch d. Redezeichenkunst nach Gabelsbergerschem Lehrgebäude. Von F. Wigard, Professor der Stenographie und quiesc. Vorstand des Königl. Sächs. stenogr. Instituts zu Dresden. Dessau, 1853. Стран. 56. — Этотъ Вигардъ былъ однимъ изъ ближайшихъ учениковъ Габельсбергера, съ которымъ онъ перенисывался и совѣтовался при составленіи своей теоріи сокращеній (см. Neue Vervollkommnungen in der deutschen Stenographie. Von F. X. Gabelsberger. München, 1843. Предисловіе, стран. 8).

(**) 1. Cours pratique de Sténographie universelle d'après le système de Gabelsberger. Appliqué à la langue française par Alexandre Pouchkin, professeur au Collège de Bayrouth, Membre de plusieurs sociétés sténographiques, etc. Genève, 1863. 43 стран. текста и 16 стеногр. таблицъ.

2. Stenography or universal european shorthand (on Gabelsbergers principles) as already introduced in Germany, Denmark, Sweden, Norway, Russia (!), Greece, Italy etc. Adapted to the english language by A. Geiger. Dresden, 1860. 55 стран. текста, смѣшаннаго со стеногр. письмомъ.

3. Nuova stenografia italiana od il sistema di Gabelsberger adattato alla lingua italiana dal Sign. Antonio Leininger. Esaminato ed autografato dal D-re Giulio Zeibig. Dresda, 1858. VIII и 48 стран.

(***) За исключеніемъ конечно сказуемыхъ сокращеній, которые и въ обыкновенномъ письмѣ родного языка всегда остаются шарадами.

вы и ни слова не разумѣли. — Но вѣдь это отлично! скажете вы. Дѣйствительно отлично, только не для быстросписи, въ которой *краткость* и *удобство* почерка составляютъ одни изъ главнѣйшихъ условій. Возьмите напр. слова: *спряжѣнный, вступленіе, сохнутъ, умерщвляющій* и другія, съ подобными же сочетаніями, о существованіи которыхъ Габельсбергеру конечно и не снилось; напишите ихъ подлинными буквами его системы, и вы увидите, что древній славянскій уставъ нѣсколько не менѣе удобенъ полученнымъ вами стенографическимъ фигурамъ. Слѣдовательно универсальное стенографическое письмо не мыслимо; ибо главные условія его: краткость и удобство (практичность) кроются въ *индивидуальной организаци*и каждаго отдѣльнаго языка. Вотъ тѣмъ-то система Штольца и замѣчательна, что въ ней, въ противоположность тенденціи къ универсальности, выражается положительная тенденція къ индивидуальности, т. е. всѣ общія начала прилагаются исключительно къ одному только предмету, всѣ средства и приемы сосредоточиваются единственно на особенныхъ свойствахъ нѣмецкаго языка, изъ которыхъ естественно затѣмъ вытекаютъ и всѣ *частныя* правила. Индивидуализація эта проявится въ такой сильной степени, что даже тѣ изъ иностранныхъ словъ, употребляемыхъ въ нѣмецкомъ языкѣ, которыя сохранили еще первоначальное свое правописаніе, повсе не могли войти въ систему, и потому составляютъ особый отдѣлъ съ особыми правилами. Понятно, что такая система въ неизмѣненномъ видѣ для другого языка не годится; вотъ почему всѣ руководства, составленныя по этой системѣ для языковъ французскаго, англійскаго, венгерскаго и др., носятъ на себѣ тотъ же характеръ индивидуальности: это не переводы, а *дѣйствительныя примѣненія*, словомъ — тѣ же особи, какъ и языки, для которыхъ назначены эти системы (*). Впрочемъ, въ послѣднее время и нѣкоторые изъ послѣдователей Габельсбергера, при переложеніи его системы на другой языкъ, пытаются дѣлать въ ней различныя перемѣны, якобы въ видахъ индивидуализаціи; но перемѣны эти частью произвольныя, частью явныя за-

(*) Для желающихъ повѣрить наши слова, выпишемъ заглавія относящихся сюда сочиненій:

1. Ausführlicher Lehrgang der deutschen Stenographie. Für d. Selbstunterricht bearbeitet v. W. Stolze, Vorsteher des stenogr. Büreaus des Hauses der Abgeordneten 3 Aufl. Berlin, 1861. 215 стран. текста и 96 стренор. табл.

2. Grundzüge zu einer lateinischen Stenographie nach Stolzeschen Principien. Von W. Wackernagel. Berlin, 1858. 16 стран. текста и 4 стренор. табл.

3. Nouveau système de sténographie française, d'après la méthode Stolze. Par G. Michaelis, lecteur de sténographie à l'université de Berlin. Berlin, 1862. 92 стран. текста и 32 стренор. табл.

4. A new system of english stenography or shorthand on the principles of W. Stolze. By Dr. G. Michaelis. Berlin, 1863. 46 стран. текста мелкой печати и 32 стренор. табл. съ ключомъ.

5. A magyar gyorsírászat kimorító tankönyve. Stolzeelvei után irta Foncsessy Adolf. Berlin, 1863. 64. стран. текста и 28 стренор. табл.

имствованія у Штольце. Такъ напр. въ упомянутой нами англійской стенографіи *Гейгера* данъ списокъ окончаній и приставокъ, выражаемыхъ опредѣленными сокращеніями; но такъ-какъ во всей системѣ органическія части словъ не играютъ никакой роли, то это дополненіе вноситъ въ нее только новую непослѣдовательность. Еще болѣе переимѣнъ встрѣчаемъ мы въ одномъ датскомъ руководствѣ по этой системѣ (*). Тутъ, во первыхъ, уничтоженъ сильный нажимъ, съ которымъ пишутся всѣ Габельсбергеровы знаки, для того чтобы установить болѣе послѣдовательную вокализацію; а во вторыхъ, сверхъ сказуемыхъ сокращеній, приняты и постоянные значки, которые пишутся на строкѣ, надъ и подъ строкой. — Наконецъ, въ венгерскомъ руководствѣ *Гаснера* (**) устранены всѣ знаки, выходящіе нижнимъ концомъ за строку.... Все это несомнѣнныя улучшенія, по вмѣстѣ съ тѣмъ и несомнѣнныя уступки системѣ Штольце; и если подобныя нововведенія будутъ продолжаться, то кончится тѣмъ, что отъ настоящей Габельсбергеровой системы не останется и слѣда. И понятно почему: поставивъ твердыя начала и взявъ у этой системы всѣ живые, способные къ развитію элементы, Штольце тѣмъ самымъ преградилъ ей всякій путь къ дальнѣйшему совершенствованію: она должна или остановиться, или же, идя впередъ, все болѣе приближаться къ своей соперницѣ и наконецъ совершенно исчезнуть въ ней. Этимъ и объясняется то ожесточеніе, съ которымъ всѣ истые Габельсбергеріанцы нападаютъ на Штольце: онъ лишилъ ихъ всего, чѣмъ только дорожитъ человѣкъ, въ чемъ заключаются всѣ его надежды — *будущности*.

Но довольно! Читатель вѣроятно давно уже сътуетъ на насъ, что мы такъ долго остановились на этомъ предметѣ. Но на все есть своя причина. Обращаемся теперь къ нашему труду. Отношеніе его къ системѣ Штольце читателю теперь ясно: принявъ общія начала Штольце, мы примѣнили ихъ специально къ русскому языку; русскій языкъ служилъ намъ, если можно такъ выразиться, *формой*, въ которую вылилась вся система. Убѣдиться въ этомъ можно уже при чтеніи теоретической части, но еще болѣе изъ сличенія нашего стенографическаго письма съ письмомъ самого Штольце: за исключеніемъ знаковъ для плавныхъ звуковъ, которые во всѣхъ европейскихъ языкахъ играютъ одинаковую роль, почти всѣ знаки наши распределены иначе, чѣмъ у Штольце; и это распределеніе сдѣлано нами не на обумъ, а на основаніи тщательныхъ вычисленій и многихъ приготовительныхъ работъ, о которыхъ мы подробно сообщимъ въ другомъ, готовящемся къ печати сочиненіи. Кромѣ того,

(*) Laerebog i Stenographie. Bearbejdet for det danske Sprog efter Gabelsbergers «Anleitung zur deutschen Redezeichenkunst» af D. Dessau, Overstenograph ved Rigsdag. Kjöbenhavn., 1853. 159 стр. текста и 26 стеногр. табл.

(**) A Gyorsirás rövid és Magyar nyelvre alkalmazott tana. Irta Gászner Lajos. Pest, 1862. 62 стр. текста и 47 стеногр. табл.

мы старались по возможности избѣгнуть тѣхъ несовершенствъ и недостатковъ, которыя отчасти встрѣчаются еще въ подлинной системѣ. Такъ напр. у Штольце большая часть согласныхъ звуковъ надѣлены двумя, нѣкоторые даже тремя знаками; у насъ же только *и* и *с* и 4 гласные звука имѣютъ по одному вспомогательному знаку. Затѣмъ у Штольце, кромѣ однобѣрныхъ и двубѣрныхъ знаковъ, употребляются еще и *трехбѣрные*; у насъ же нѣтъ ни одного такого знака. Прибавьте ко всему этому, что иностранныя слова, которыя въ подлинной системѣ по необходимости должны были выдѣлиться, въ русскомъ языкѣ подчиняются общей орфографіи, такъ-что нѣтъ никакой надобности учреждать для нихъ особыя правила, — и въ итогѣ выйдетъ, что наша система во многихъ отношеніяхъ и проще, и совершеннѣе своего первообраза, который тѣмъ именно и хорошъ, что не лишенъ способности развиваться и совершенствоваться. Одинъ недостатокъ, правда, мы устранить не могли, а именно *уклоненіе письма отъ строки*; но это такого рода недостатокъ, который, во первыхъ, свойственъ болѣе или менѣе всѣмъ до сихъ поръ извѣстнымъ стенографіямъ, а во вторыхъ представляетъ такія огромныя выгоды въ отношеніи къ вокализаци, что устранять его нѣтъ никакого расчота. Впрочемъ, выдавая нашу систему за упрощенную и усовершенствованную, мы этимъ отнюдь не хотимъ сказать, что она достигла уже верха совершенства; напротивъ, мы очень хорошо сознаемъ, что и въ ней есть еще много недостатковъ, и вполне убѣждены, что люди съ большимъ талантомъ и съ большимъ знаніемъ, работая по тѣмъ же началамъ, могли бы составить нѣчто гораздо лучшее въ этомъ родѣ, и быть-можетъ и составить еще. Поэтому, вѣрные своему девизу, выставленному въ заглавіи этой книги, мы не только не хотимъ навязывать кому-либо нашу систему или отклонить кого-нибудь отъ новыхъ попытокъ создать что-либо болѣе совершенное по части стенографіи; но, напротивъ, намѣрены способствовать этому и по возможности облегчить трудъ будущихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ *изданіемъ* всѣхъ приготовительныхъ работъ, предшествовавшихъ составленію нынѣ предлагаемой нами системы (*).

(*) Работы эти, приготовляемыя уже къ печати, выйдутъ въ началѣ будущаго года, подъ заглавіемъ: «матеріалы для развитія русской стенографіи. Сюда входятъ: 1) Историческое развитіе письма вообще; 2) историческое развитіе стенографіи отъ древнихъ временъ до новѣйшихъ; 3) подробное разсмотрѣніе всѣхъ извѣстныхъ стеногр. системъ настоящаго времени: у англичанъ, у французовъ, у нѣмцевъ; 4) полемика Гибельсбергянцевъ съ Штольціанцами и результаты этого спора; 5) примѣненія различныхъ оригинальныхъ системъ къ другимъ языкамъ и переименованія ихъ; 6) сравненіе ихъ между собою и выводъ изъ нихъ научныхъ началъ; 7) разборъ русскихъ стеногр. руководствъ (начиная съ 1820 г.); 8) предварительныя работы, необходимыя для составленія хорошей русской системы: разсмотрѣніе особенностей русскаго языка, вліяющихъ въ стеногр. отношеніи; 9) изложеніе нашей системы по степени ея возникновенія: чего мы достигли, чего нѣтъ, и почему.